

РАЗДЕЛ II

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. И. Айзатулина, Т. Н. Талецкая

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ УМОЛЧАНИЯ

Языковая система, основное предназначение которой – служить целям коммуникации, располагает разнообразными средствами обозначения фактов реальной/предполагаемой действительности и способами выражения отношения к ним со стороны коммуникантов. Коммуникация – это не только речь. В реальном общении используются как вербальные, так и невербальные средства. Иногда коммуникативно значимым является даже молчание, если оно имеет преднамеренный характер и используется для того, чтобы вызвать определенный перлокутивный эффект у адресата. Такие речевые акты называются силенциальными (от *silence* – молчание). Молчание интерпретируется в прагматике как нулевой речевой акт [1], [2]. От молчания следует отграничивать умалчивание, являющееся стратегическим силенциальным актом неразглашения, утаивания информации (всегда имеет преднамеренный характер). Что касается исследуемых нами актов *умолчания*, то их мы связываем с коммуникативно-значимым прекращением речи и подразумеваем под ними недоговоренные речевые акты, в которых недосказанность имплицитируется с помощью намёка, а её референция устанавливается адресатом на основе догадки.

Ситуативная обусловленность речи упрощает формы языкового общения, делает излишним называние того, что в конкретной ситуации ясно без слов. В таких случаях номинация отдельных компонентов ситуации осуществляется имплицитным способом, в частности лишь намеком на определенный отрезок окружающей или предполагаемой

действительности. Такого указания, с позиции говорящего, должно быть достаточно, чтобы адресат понял, о чем идет речь, поскольку коммуникантов связывает «двойственная ситуативность высказывания» [3, 15]: с одной стороны, оно привязано к референтной ситуации, о которой идет речь, с другой стороны – к ситуации общения, в которой осуществляется коммуникация. Тем самым обозначаемая ситуация и ситуация общения, как бы «вплавляясь» в речь, восполняют имплицитно то, что не было выражено вербально.

Проблема семантической имплицитности непосредственно связана с одной из центральных проблем языкознания – проблемой номинации. Отображаемая сознанием говорящего экстралингвистическая ситуация структурируется в актах умолчания не полностью. В них не получают номинации отдельные компоненты ситуации (самостоятельные субстанции, их признаки, состояния, пространственная и временная локализация). Чтобы коммуникативный акт состоялся, номинация последних должна быть осуществлена имплицитным способом. Используя речевые акты умолчания, говорящий не называет, а лишь намекает на те или иные факты, события, состояния, действия, обстоятельства, намерения и т. д. При этом он активно прогнозирует в дискурсе указание на определенный отрезок окружающей (или предполагаемой) действительности. В своей стратегии говорящий опирается на общую пресуппозицию, на обстоятельства, в которых разворачивается конкретная ситуация общения, использует паралингвистические и другие средства, чтобы обеспечить референцию имплицитного содержания недосказанности.

Наличие у коммуникантов общей пресуппозиции способствует установлению между ними общего коммуникативно-прагматического пространства, позволяющего одному намекать, а другому догадываться о недосказанном. Общее коммуникативно-прагматическое пространство, формирующееся как особый код, ключ от которого имеется у каждого из коммуникантов, позволяет декодировать недосказанность не только по отношению к тому, что происходило в прошлом или имеет место в настоящем, но и по отношению к будущим событиям. Референция таких высказываний возможна благодаря наличию общих

представлений коммуникантов, позволяющих им мыслить в одном направлении.

Степень прагматического потенциала в актах умолчания, как показывает материал нашего исследования, различен. Это позволило нам дифференцировать их как преднамеренные и непреднамеренные.

Прагматические причины, вызывающие непреднамеренную недосказанность, часто связаны с таким эмоциональным состоянием говорящего как гнев/возмущение/негодование, досада/сожаление, смущение/неуверенность/замешательство, обида/огорчение, удивление/недоумение и др., когда в порыве чувств говорящий просто не в состоянии логично завершить начатое высказывание, однако его имплицитное содержание логически выводится адресатом из контекста речи. Например:

«Du hast ... du hast mir etwas bedeutet», hörte ich mich selbst sagen, «Ich habe dir nichts vorgespielt. Deine Schwester irrt sich.»

«Aber du hast ja nicht mal ... », *sie brach mitten im Satz ab und wandte sich halb ab. «Als ich dir erzählt hab, dass ich schwanger bin, hast du ja nicht einmal ... nicht einmal ... », sie war nicht in der Lage, diesen Satz zu beenden, dieses letzte Wort über die Lippen zu bringen: Heirat.*

«Ich wollte nicht heiraten», sagte ich, leiser. «Ich wusste, dass ich nicht so weit war. Es lag nicht daran, dass ich dich nicht liebte.» [4, 46]

Недосказанность «Aber du hast ja nicht mal ...»; «Als ich dir erzählt hab, dass ich schwanger bin, hast du ja nicht einmal ... nicht einmal ...» вызвана обидой, негодованием девушки по поводу равнодушной реакции её друга на незапланированную беременность. Она ждала от него предложения о свадьбе, но не решалась произнести это вслух – *sie war nicht in der Lage, diesen Satz zu beenden, dieses letzte Wort über die Lippen zu bringen: Heirat.* Адресат тем не менее понимает, в чем его упрекают, и объясняет причину своего поведения – он не мог/не хотел жениться, потому что был к этому не готов (*Ich wollte nicht heiraten. Ich wusste, dass ich nicht so weit war.*)

Еще одна типичная ситуация, когда девушка, узнав об измене своего друга, задает ему вопрос о том, правда ли это, в глубине души все же надеясь на то, что это просто недоразумение: «Und wenn das alles nicht stimmte? Wenn Khalid sich das nur ausgedacht hatte? Wenn Philipp doch bei Grit geblieben war? Wenn das wirklich nur ein

dummer Irrtum gewesen ist?» [5, 235]. Но, к сожалению, это правда. В смущении и замешательстве молодой человек не может дать связное объяснение своему поступку. Его речь обрывиста – «Mascha ... Ich ... Wieso ...». Philipp ließ sich aufs Sofa fallen. «Es war, weil ... Oh Gott ...». Несвойственная ему бледность и встречный вопрос также подтверждают его вину – *So blass hatte sie ihn noch nie gesehen*. «Woher weißt du das?» Also doch. Mascha antwortete nicht, sondern leerte den Rucksack auf den Boden. Ситуация для девушки прояснилась, она пытается найти в рюкзаке ключи от квартиры, чтобы вернуть их другу.

Прагматической причиной недосказанности может стать также поиск говорящим наиболее адекватной формы выражения:

Sie trank von ihrem Kaffee und setzte die Tasse vorsichtig auf die Untertasse, als wollte sie der nicht mit einem Klirren wehtun. «Du brauchst dir keine Vorwürfe zu machen, dass du die ganze Angelegenheit aufgerührt hättest. Mir schwankte schon seit längerem, dass da was ... na ja, also dass er ... dass Papa ... irgendwas ...» *Ihre Stimme war immer leiser geworden*.

«Dass er eine Freundin hat», sagte ich, weil ich wissen wollte, ob meine Befürchtung stimmte [6, 127].

В сложившейся ситуации мать пытается сохранять внешнее спокойствие и очень деликатно хочет объяснить дочери-подростку, что у её отца есть другая женщина – Sie setzte die Tasse vorsichtig auf die Untertasse, als wollte sie der nicht mit einem Klirren wehtun. Из контекста видно, как тщательно она пытается подобрать нужные слова – Mir schwankte schon seit längerem, dass da was ... na ja, also dass er ... dass Papa ... irgendwas Тем не менее ее выдает голос – *Ihre Stimme war immer leiser geworden*). Дочь понимает, в чем дело, её вербальная реакция на умолчание однозначно восполняет то, что мать не решалась произнести вслух – Dass er eine Freundin hat.

Такие непреднамеренные акты умолчания не являются номинативными единицами, поскольку вербально не полностью описывают обозначаемую ситуацию, но они функционируют как семантически, а значит, и коммуникативно значимые единицы, поскольку их имплицитная семантика и интенция говорящего понятны адресату в конкретной ситуации общения.

Среди непреднамеренных мы выделили также группу некоммуникативных умолчаний. К ним мы относим речевые акты, не завершаемые в силу того, что говорящий по определенным причинам не может или не хочет говорить дальше (речь обрывается), а также речевые акты, прерываемые адресатом.

Обрыв и прерванные речевые акты являются неотъемлемыми признаками интеракции. Обрыв может происходить по субъективным причинам, когда говорящий, например, не в состоянии закончить свою мысль из-за сильного эмоционального переживания:

«Du wirst diesen Unfug natürlich nicht spielen, Hannah», sagte sie schließlich fest und lächelte und lächelte und lächelte.

«Aber ...», *begann ich, doch das Wort blieb mir im Hals stecken vor Entsetzen*. «Ihr dürft es mir nicht verbieten, ich habe schon zugesagt. Ich habe versprochen, dass ich spielen werde, und es ist doch nichts dabei. Ich meine, es ist nichts Verdorbenes oder so» [7, 79].

Что хотела возразить Ханна своим «Aber ...», её мачеха так и не узнает, поскольку произошел обрыв в речевой цепи – «*das Wort blieb mir im Hals stecken vor Entsetzen*».

Обрыв высказывания может произойти и по объективным причинам:

а) из-за внезапного вмешательства адресата:

«Hast du ihr von dir erzählt?»

«Ich? Was sollte ich ihr erzählen?»

«Dass du am Fenster stehst und zuschaust, wie die Bomben fallen, während sie in der Schrankkammer sitzt. Dass du es aufregend findest, wenn ...»

«*Hör auf!*» Beschämt schlug sich Nell die Hände vors Gesicht. «Ich hätte es dir nicht erzählen sollen!» [8, 78];

б) из-за любого внешнего раздражителя (например, телефонного звонка):

«Na ja, ich weiß nicht ...», beginnt Josephine, *aber bevor sie zu Ende sprechen kann, klingelt das Telefon*. «Wart mal einen Moment.» [9, 131];

в) из-за наложения речи:

Er schwieg. Brühte Tee auf, stellte ihr eine Tasse hin, lehnte sich ans Fenster und blickte auf die Straße.

«Mascha, weißt du ...», *begann er schließlich*.

«Khalid, ich ...», *sagte sie im selben Atemzug* und beide mussten lachen.

«Okay, erst du», *meinte sie dann und griff zur Tasse* [5, 189].

Во всех этих случаях прерванный самим говорящим или адресатом речевой акт представляет собой речевой брак и не является коммуникативно значимым, т. к. высказыванием утрачивается способность к осуществлению номинативной, а значит, и коммуникативной функции в процессе общения.

Если же говорящий возвращает себе речевой ход, прерванный адресатом, и досказывает начатое, то восстанавливается коммуникативная значимость высказывания:

«Und wo kriegst du das Geld her? So ein Kind kostet eine Menge Geld. Wo willst du dreißig-, vierzigtausend Dollar herkriegen? Gibt es irgendeinen mir unbekanntem reichen Onkel, der dir Geld zusteckt?».

«Ich habe Mutter's Geld», *sagte ich*. «Ich kann ...».

«*Du wirst dieses Geld nicht anrühren*», *schrie er*. «*Das ist für deine Ausbildung. Für keinen anderen Zweck!*».

«Darf ich bitte ausreden? Ich habe das Geld von Mutter, erstens, und ich habe Geld gespart, von meinen Sommerjobs, und ich will auch diesen Sommer arbeiten. Ich muss es halt nach und nach verdienen. Die meisten Leute haben keine fünfzigtausend Dollar, wenn sie ein Kind bekommen, auch junge Ehepaare nicht» [4, 8].

Говорящий, используя повтор, возвращается к прерванному отцом высказыванию – Ich habe das Geld von Mutter, чтобы подчеркнуть значимость для него того факта, что деньги принадлежат ему, и завершает начатое высказывание – Ich kann arbeiten und Geld verdienen.

Эффект недосказанной мысли может создаваться за счет активной позиции адресата. Эта активность проявляется не только тогда, когда человек говорит, но и когда он слушает собеседника. Это так называемая внутренняя активность, реакция на то, что воспринимается – одновременная оценка высказываний, частичное планирование своей реплики, не дожидаясь, пока говорящий закончит. Активность адресата по поддержанию речевого контакта проявляется в стратегиях общения, направленных на сохранение за говорящим речевого хода или на смену речевого хода. Сохраняя речевой ход

за говорящим, адресат использует повторы, подхваты, стимулируя говорящего досказать недосказанное. Например, в следующей ситуации внешним стимулом к продолжению высказывания является подхват «*Erste was?*»:

«Ich habe kein schlechtes Gewissen, Martin ist noch immer der Einzige für mich. Gab es andere vor Alex?»

«Nein. Ich war schon mal verliebt, aber ich bin nie aktiv geworden. Alex ist meine erste ...»

«*Erste was?*»

«Liebe».

«Endlich sagst du es» [10, 133].

Речевой акт – акт двусторонний, в котором участвуют минимум два коммуниканта. Поэтому значение каждого высказывания определяется не только интенцией самого говорящего, но и её восприятием адресатом. Мена коммуникативных ролей реализует принцип коммуникативного сотрудничества, предложенный Г. П. Грайсом [11, 133]. Коммуниканты преследуют определенную стратегию речевого поведения: стремясь побудить мыслить в нужном направлении, заранее предусматривая при этом обоюдные возражения, они не оставляют друг другу возможности высказаться до конца – перебивают, дополняют друг друга и т. д. Так, предвосхищая мысль говорящего, адресат может перехватить речевую инициативу и прервать контакт, досказывая начатое говорящим высказывание. Либо говорящий сам останавливается, прежде чем его мысль полностью реализуется в речи, а адресат, помогая ему, досказывает недосказанное, осуществляя своего рода «*konversationelle Unterstützungsarbeit*»:

«Aber wie alt ist sie eigentlich?»

«Fast sechzehn», sagte Thorn.

«Verdammt, du bist verrückt, Mann», sagte Dex. Dafür können sie deinen Arsch drankriegen. Ich dachte, sie wäre mindestens – nun – »

«*Siebzehn?*», lachte Thorn [12, 57].

Такой речевой акт является продуктом совместного речетворчества говорящего и адресата. Говорящий начинает высказывание – Ich dachte, sie wäre mindestens – nun –, адресат его завершает – Siebzehn. Такие акты умолчания можно считать условно недосказанными,

поскольку речевой акт получает завершение в досказывающей реплике адресата, интуитивно догадавшегося, о чем идет речь:

Als ich am nächsten Morgen in die Küche kam, saß nur Mami am Frühstückstisch. Sie sah überhaupt nicht so strahlend und energiegeladen aus wie sonst, sondern hockte zusammengesunken hinter ihrer Tasse.

«Papa ist doch nicht – », fragte ich sie und merkte, wie mir schon wieder das Wasser hochstieg.

«Nein, er ist nicht *ausgezogen*. Noch nicht» [6, 127].

Отвечая на незавершенный вопрос дочери, мать одновременно досказывает ее предположение относительно местонахождения отца. Высказывание «Papa ist doch nicht *ausgezogen*» принадлежит обоим коммуникантам.

В следующей ситуации в диалог Сильвии и Надин внезапно вмешивается косвенный адресат (Таня), адекватно досказывая то, что хотела сказать Сильвия:

«Ich hab mir gedacht, dass ich dich ja einladen könnte – »

Es klappt! Wahnsinn! Wunder gibt es immer wieder!

«Aber du gehörst ja noch nicht zu unserer Clique. Du müsstest also – »

Sie hielt inne.

«'ne Mutprobe machen», ergänzte Tanja, was ihr von Sylvia einen missbilligenden Blick eintrug.

«Misch du dich nicht ein», sagte da auch schon Nadine [6, 24].

В этой ситуации речевой акт «Du müsstest also / 'ne Mutprobe machen», распределяясь по разным репликам, является совместным речевым продуктом говорящего (Сильвии) и косвенного адресата (Тани). Прямым адресатом являлась Надин.

Есть ситуации, когда досказывание адресата не является адекватным (преднамеренно или непреднамеренно). Тогда последующий речевой ход говорящего может быть корректирующим, как в следующей ситуации:

«Seit mein Vater zusammen mit seinen Brüdern dieses blöde Appartement gekauft hat, sind wir nirgendwo anders mehr gewesen. Und jedes Jahr gibt es das gleiche Theater, bis die drei sich einig geworden

sind, wer wann hinfährt. Ich habe schon mal gedacht, sagte Marie, ob ich nicht ...

... *wenigstens für eine Woche mitkommen kann, hakte Florian ein.* Komm, das muss doch möglich sein.

Nein. Das habe ich nicht gemeint. Ich habe darüber nachgedacht, ob ich nicht die Wohnung verkaufen oder vermieten und stattdessen in das alte Haus umziehen soll.» [13, 75].

Адресатом нарушается постулат качества или истинности по Г. П. Грайсу – Versuche, Gesprächsbeiträge zu machen, die wahr sind. Sage nichts, wofür dir angemessene Gründe fehlen! Референция досказывающей реплики адресата ошибочна, что подтверждается вербальным сигналом говорящего – Nein. Das habe ich nicht gemeint. Говорящий (Marie) корректирует ошибочно установленную адресатом референцию, продолжая высказывание, чтобы Флориану стало понятно её истинное намерение.

Что касается преднамеренно неадекватного досказывания адресатом незавершенной мысли говорящего, то оно может явиться предметом специального прагматического исследования. Поскольку прагматика досказывающих реплик не является целью нашей работы, то проиллюстрируем лишь саму ситуацию, когда адресат понимая, что хочет сказать говорящий, умышленно блокирует перлокутивную реакцию:

«Du willst also, dass ich dir verzeihe, dass du Weihnachten mit Nathalie ins Bett gegangen bist und am Samstag vor allen mit ihr rumgeknutscht hast?»

«Ja, Mascha. Bitte!»

«Okay, das mache ich.» Sie seufzte.

«Mascha!» Philipp sprang vom Sofa auf und kam erleichtert auf sie zu. Mit zitternder Stimme sagte er: «Du weißt ja nicht, was –»

«– was für ein Heuchler du bist?» Ihre Worte klangen so kalt, wie sich ihr Herz anfühlte [5, 235].

Возможное продолжение реплики Филиппа «Du weißt ja nicht, was –» могло бы быть – was du für ein Schatz bist, was du für mich bedeutest и др. Но Маша досказывает реплику с отрицательной коннотацией, что является логичным выражением её эмоционального состояния (*Ihre Worte klangen so kalt, wie sich ihr Herz anfühlte*).

Итак, проанализировав преднамеренные и непреднамеренные акты умолчания, досказываемые самим говорящим или адресатом, можно заметить, что их семантика полностью эксплицируется в дискурсе само- либо взаимодосказыванием. Тем самым отображаемая ситуация действительности получает свое полное наименование.

В основе любого высказывания, ориентированного на конкретного адресата, лежит коммуникативное намерение (интенция) говорящего. Реальная ситуация общения и реакция адресата постоянно корректируют и направляют формы выражения и намерения говорящего. Например, возникают ситуации, когда говорящий лишь намекает на предмет речи, преднамеренно не договаривая то, что и так понятно адресату, т. е. коммуникативно имплицуется смысл, понятный адресату в контексте конкретного речевого акта:

«Ich sag keinem was, Miss.» Er lehnte den Sattel an die Hüfte und zog seine Mütze aus der Tasche. «Ich weiß schon wochenlang, dass Sie ... »
Er wurde rot.

«Na, Sie wissen schon, aber ich hab's keiner Menschenseele erzählt.»
Er sah aus wie jemand, der viel Schweres durchgemacht hat. «Ich hab mal ... 'ne Lady gekannt,» sagte er schließlich. «Es gibt Sachen, die merkt man, wenn man einer iss, der was merkt. Es gibt so was, was eine Frau an sich hat, wenn sie ...» Er starrte in die Ferne. *Das Thema war ihm furchtbar peinlich.* «Aber Sie müssen sich nicht sorgen. Im Dorf iss viel gequakt worden über Sie und diesen jungen Mulligan, aber jetzt redet keiner mehr» [8, 143].

В данной ситуации очевидно, что говорящему нелегко обсуждать такую деликатную тему (*Das Thema war ihm furchtbar peinlich*) с женщиной, чтобы дать ей понять о том, что он знает о её беременности. О неловкости свидетельствует не только его невербальное поведение (*Er wurde rot*), но и речевое, когда он умалчивает о своих предположениях – Ich weiß schon wochenlang, dass Sie Es gibt so was, was eine Frau an sich hat, wenn sie В таких ситуациях коммуникативное намерение говорящего заключается в переводе части информации, о которой неудобно или нежелательно говорить, в подтекст. То, что говорящий имеет в виду, предоставляется «досказать» (мысленно или вербально) самому адресату в силу присущей ему

способности догадываться, предвосхищать развитие хода мысли говорящего. А говорящий занимает в этом случае удобную позицию – «ничего такого» не сказавшего. В анализируемой ситуации адресат адекватно понимает намек, сигнализируя об этом своей вербальной реакцией – Na, Sie wissen schon, aber ich hab's keiner Menschenseele erzählt. Данный пример наглядно свидетельствует о том, что умолчания прагматичны уже только в силу своей недоговоренности, так как побуждают адресата к самостоятельному домысливанию содержания невербализованной части информации. Функционирование в речи преднамеренных умолчаний свидетельствует о том, что в самом языке есть средства, обладающие заданностью на воздействие.

Порождению любого речевого акта предшествует формирование речевого намерения говорящего, в котором учитываются предварительные знания о партнере по общению. Поскольку им приходилось общаться раньше, их связывают какие-то общие события, ситуации, переживания, темы. Когда речь снова заходит о них, то известные им обоим факты не обязательно эксплицируются в речи. Достаточно лишь указания (намёка) на те или иные обстоятельства. Примером является следующая ситуация, когда спустя некоторое время встречаются парень и девушка. Она отказалась от их общего ребенка и передала его на усыновление. Отец мальчика добивается через суд права на воспитание собственного ребенка, что ему удается. И вот однажды происходит их случайная встреча, заходит речь о ребенке:

«Es geht ihm gut», sagte ich endlich. *Ich wusste nicht, ob das Thema Madison tabu war.* «Er ist wirklich süß».

Cheryl lächelte. «Schön». Das klang, als ob wir über irgendein Baby sprechen würden, das mit uns nichts weiter zu tun hatte. «Freut mich».

Ich räusperte mich. «Wenn du einmal ... », begann ich.

«Nein, das nicht», sagte sie. «Viel Glück, trotzdem» [4, 133].

Снова очень деликатная ситуация, когда говорящий не уверен, может ли он вообще затрагивать эту тему – *Ich wusste nicht, ob das Thema Madison tabu war.* Все же он делает попытку пригласить мать навестить собственного ребенка, если она когда-нибудь этого захочет – *Wenn du einmal ...*. Но ее ни к чему не обязывающие реплики (*Schön, Freut mich*) и ее отрицательная реакция на умолчание

(Nein, das nicht) ясно дают понять, что судьба ребенка ее не интересует, а тема «Мэдисон» для нее закрыта.

Вообще существуют темы и ситуации, о которых непросто говорить. Есть деликатные вещи, которые обычно не называют. А если все же приходится о них говорить, то, как правило, используется удобное в этом случае прагматическое средство – умолчание. Например:

«Du wirst doch nichts am Magen haben?».

«Nein, habe ich nicht.» Mascha hätte Grit am liebsten den Porree über ihre rot gefärbten Schnittlauchlocken gekippt. Hätte toll ausgesehen. Wie die Halloweenüberraschung in der Gesterbahn.

«Dann wirst du doch nicht etwa ... Ach, Kind, nein, ihr achtet doch auf so was, Philip und du? Oder etwa nicht?» Grits Augen weiteten sich.

«Ich kenne da einen guten Frauenarzt» [5, 82].

Внезапная догадка Грейт, что плохое самочувствие Маши, возможно, вызвано беременностью, звучит в ее намеке – Dann wirst du doch nicht etwa То, что умалчивается Грейт, ясно для Маши из ситуации – Ach, Kind, nein, ihr achtet doch auf so was, Philip und du? Oder etwa nicht? Да к тому же следует конкретное предложение о помощи – Ich kenne da einen guten Frauenarzt.

Нежелание высказать мысль до конца явно прослеживается и в следующей ситуации, когда достаточно намека, чтобы получить ответ на высказанное предположение:

Und dann hörte ich eine bekannte Stimme sagen:

«Na, biste auch noch nicht komplett?».

Sabrina. Mir war ganz schwindlich vor Erleichterung. «Nee. Leider alles zu teuer. Große Scheiße».

Sabrina sah mich verständnislos an. «Was spielt das denn für eine Geige?».

Jetzt sah ich sie verdattert an. «Wie meinst du das?».

«Na, warum willst du den Scheiß denn bezahlen?».

«Du meinst – ?».

Sie nickte.

«Klaro. Für so was gibt man doch kein Geld aus» [6, 49].

Фоном для использования умолчания в этой ситуации является предварительная договоренность обеих девочек о том, что одна из них совершит кражу, о чем она, оказавшись в магазине, как видно, забыла – *Leider alles zu teuer*. Но ей явно дают понять взглядом (*Sabrina sah mich verständnislos an*) и словом (*Na, warum willst du den Scheiß denn bezahlen?*), что покупать эту вещь необязательно. С помощью намека (*Du meinst – ?*) в речевом акте умолчания имплицитруется вопрос относительно ожидаемого действия (*klauchen*), на который она получает положительный невербальный (*Sie nickte*) и вербальный ответ подруги (*Klaro. Für so was gibt man doch kein Geld aus*).

Преднамеренные умолчания в проанализированных ситуациях не только коммуникативно значимы (информативно ценны для адресата), но и стратегически оправданы интенцией говорящего – воздействовать на адресата с помощью содержащегося в умолчании намека.

Предпринятый нами анализ актов умолчания выявил тенденцию распределения их по двум основным группам – преднамеренные и непреднамеренные умолчания. Первые отражают интенцию говорящего воздействовать недоговоренностью, у непреднамеренных умолчаний интенция на недоговоренность отсутствует. Выявленное различие основано на разнице мотивов в порождении умолчаний: непреднамеренные умолчания определяются мотивами, связанными с оформлением речевого акта на этапе его реализации (выбором наиболее подходящей формы выражения мысли, изменением коммуникативного задания, влиянием факторов психологического порядка, вмешательством адресата и др.), умолчания преднамеренного характера – мотивами, связанными непосредственно с содержанием речевого акта.

Используя умолчание преднамеренно как средство воздействия говорящий исходит из предположения, что адресат может или должен догадаться о том, что умалчивается. В обеспечении адекватной референции умалчиваемой информации главная роль принадлежит когнитивной компетенции коммуникантов. На ее основе у коммуникантов формируется общность денотативной ситуации. В процессе восприятия умолчания адресат не только мысленно

воссоздает денотативную ситуацию, а затем соотносит недоговоренность с конкретным референтом, но и понимает намерение говорящего. В этом и состоит особый прагматический потенциал актов умолчания – побудить адресата к самостоятельному домысливанию содержания умалчиваемого и адекватному восприятию интенции говорящего. Прагматическая направленность имплицитной семантики в актах умолчания, ее связь с теорией речевого воздействия заключается, тем самым, в наличии не выраженных вербально, но угадываемых адресатом смыслов.

Литература

1. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 12–18.
2. Крестинский, С. В. Интерпретация актов молчания в дискурсе / С. В. Крестинский // Язык, дискурс и личность. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 38–45.
3. Сусов, И. П. Предложение и действительность / И. П. Сусов // Коммуникативно-прагматические функции речевых единств. – Калинин : КГУ, 1980. – С. 11–25
4. Klein Norma. Madison und die Freiheit der Jugend. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 284 s.
5. Prick Ilke S. Zimt und Honig. – Thienemann Verlag GmbH : Stuttgart/Wien, 2005. – 239 s.
6. Schindler Nina. Spaß im Angebot. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2004. – 158 s.
7. Frey Jana. Das eiskalte Paradies. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2003. – 190 s.
8. Ray Kitty. Nells geheimer Garten. – Rowohlt Taschenbuch Verlag : Hamburg, 2002. – 414 s.
9. Weidenfeld Nathalie. Die Orangenprinzessin. – Der Marion von Schröder Verlag : München, 2001. – 230 s.
10. Kerr, M. E. Sommergefühle. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 160 s.
11. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntaxe and semantics. – New Yorks : P. Cole, J. Morgan, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.
12. Whitcher Susan. Herz steht Kopf. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2004. – 211 s.
13. Günzel-Horatz Renate. Marie. – Fischer Taschenbuch Verlag : Frankfurt am Main, 2002. – 202 s.